

КАЛЯЗИНСКАЯ ЧЕЛОБИТНАЯ

СПИСОК С ЧЕЛОБИТНЫЕ, КАКОВА ПОДАНА ВЪ 185 (1677) ГОДУ КАЛЯЗИНА
МОНАСТЫРЯ ОТ КРЫЛОШАН НА АРХИМАНДРИТА ГАВРИИЛА ВЪ ЕГО
НЕИСПРАВНОМ ЖИТИИ СЛОВО В СЛОВО ПРЕОСВЯЩЕННОМУ СИМЕОНУ,
АРХИЕПИСКОПУ ТВЕРСКОМУ И КАШИНСКОМУ

Великому господину преосвященному архиепископу Симеону Тверскому и
Кашинскому бьют челом богомольцы твои, Колязина монастыря крылошаня, черной
дьякон Дамаско с товарищами.

Жалоба, государь, нам, богомольцам твоим, того же Колязина монастыря, на
архимарита Гавриила. Живет он, архимарит, не гораздо, забыл страх божий и иноческое
обещание и досаждает нам, богомольцам твоим. Научил он, архимарит, понамарей плутов
в колокола не во время звонить и в доски колотить, и оне, плуты понамари, ис колокол
меди много вызвоили и железные языки перебили, и три доски исколотили, шесть
колокол розбили, в день и ночью нам, богомольцом твоим, покою нет.

Да он же, архимарит, приказал старцу Уару в полночь з дубиною по кельям ходить, в
двери колотить, нашу братью будить, велит часто к церкви ходить. А мы, богомольцы
твои, в то время круг ведра с пивом без порток в кельях сидим, около ведра ходя, правило
говорим, не успеть нам, богомольцам твоим, келейного правила исправить, из ведра пива
испорознить, не то, что к церкви часто ходить и в книги говорить. А как он, архимарит,
старца к нам присылает, и мы, богомольцы твои, то все покидаем, ис келей вон выбегаем.

Да он же, архимарит, монастырскую казну не бережет, ладану да свечь много прижог.
А монастырские слуги, теща обычай архимаричей, на уголье сожгли четыре овина. И он,
архимарит, во уголье ладан насыпает и по церкви иконы кадит, и тем он иконы запыллил и
кадило закоптил, и нам, богомольцам твоим, от того очи выело, горло засадило.

Да он же, архимарит, приказал в воротах с шелепом

стоять кривому старцу Фалалею, нас, богомольцев твоих, за ворота не пустить, и в
слободу не велит сходить, и скотья двора присмотрить, чтоб телят в хлев загнать и кур в
подполье посадить, благословение коровнице подать.

Да он же, архимарит, приехав в Колязин, почал монастырской чин разорять, пьяных
старых всех разганял, и чуть он, архимарит, монастырь не запустошил: некому впредь
заводу заводить, чтоб пива наварить и медом насытить, и на достальные деньги вина
прикупить и помянуть умерших старых пьяных. И про то, государь, разорение известно
стало на Москве начальным людям, и скоро по всем монастырем и кружалом смотр
учинили, и после смотру лучших бражников сыскали — старого подьячего Сулима да с
Покровки без грамоты попа Колотилу, и в Колязин монастырь для образца их наскоро
послали, и начальныя люди им приказали, чтобы они делом не плошали, а лучшие бы
ковтаны с плечь сложили, а монастырского бы чину не теряли, а ремесла своего не
скрывали, иных бы пить научили и нашу бы братью, крылошан, с любовью в монастырь к
себе принимали, и едину б мысль смышляли: как бы казне прибыль учинить, а себе в
мошну не копить и рубашки б с себя пропить, потому что легче будет ходить. А если бы
нам, богомольцам твоим, власти не мешали и волю бы нам подали, и мы б колокола
отвязали да в Кашин на вино променяли: лутче бы спать не мешали.

Да он же, архимарит, проторно живет, в праздник и в будень нашу братью кует. Да он же об нас батоги приламал и шелепы прирвал, и тем казне поруху учинил, а себе он корысти не учинил.

Да в прошлом, государь, годе весна была красна, пенка росла толста. И мы, богомольцы твои, радев дому святому, меж собою присоветовали, что ис тое пенки свить веревки долги да толсты, чем ис погребов ночью бочки с пивом волочить да по крылоским кельям возить, а у келей бы двери завалить, чтоб будильника не пустить, не мешали б нам пива пить, а к церкви б нам не ходить. А как мы пиво допьем, так и к церкви скоро пойдём. И он, архимарит, догадался, нашего челобитья убоился, приказал пенку в веревки свивать да вчетверо загигать, да на короткие палки навязать, а велел их шелепами называть, а слугам приказал высоко подымать, а на нас, богомольцев твоих, тяжело опущать, а сам, стоя, конархает и нам, богомольцам твоим, лежа, и кричать не поспеть, потому что за плечми телу нужно, а под шелепами лежать душно. И мы, богомольцы твои, от тое его, архимаритовы, налоги поневоле в церковь ходим и по книгам чтём и поём. И за то он нам ясти не даёт, а заутреню и обедню не едчи поём, и от тое мы изморы скоро помрем.

Да он же, архимарит, великой пост вновь завел земныя поклоны, а в наших крылоских уставах того не написано. Написано сице: по утру рано, за три часа до дни, в чесноковик звонить, за старыми остатками «часы» говорит, а «блаженна» ведре над вчерашним пивом, на шесть ковшов, «слава и ныне», до свету на печь спать.

Да он же, архимарит, нам, богомольцам твоим, изгоню чинит: когда ясти прикажет, а на стол поставят репу пареную да ретку вяленую, кисель з братом да посконная каша на вязовой лошке, шти мартовские, а в братины квас надевают да на стол поставляют. А нам, богомольцам твоим, и так не сладко: ретка да хрен, да чашник старец Ефрем. По нашему слову ходил, лучши бы было для постных же дней вязига да икра, белая рыбица, телное да две паровые, тиошка б во штях да ушка стерляжья, тройи бы пироги да двои блины, одне бы с маслом, а другие с медом, пшонная бы каша да кисель с патокою, да пиво б подделное мартовское, да переварной бы мед. И у него, архимарита, на то и смыслу нет: у нас, знающих людей, не спросится, сам во нраве своем один живет, а з горя один хлеб жуёт, весь мед перекусит, а сам воду пьёт. И мы, богомольцы твои, тому дивимся, что у нашего архимарита вдруг ума не стало: мыши с хлеба опухли, а мы с голоду мрем. И мы, богомольцы твои, архимариту говорили и добра доводили, и к пиву приводили, и часто ему говорили: будет, архимарит, хочешь у нас в Колязине подоле побыть и с нами, крылошаны, в совете пожить, и себе большую честь получить, и ты б почаще пива варил да святую братию почаще поил, пореже бы в церковь ходил, а нас бы не томил. И он, архимарит, родом ростовец, а нравом поморец, умомо колмогорец, на хлеб на соль каргополец, нас, богомольцев твоих, ни в чем не слушает, а сам не смыслит, мало с нами пьёт да долго нас бьёт, а с похмелья нас оправливает метиолными комлями да ременными плетями, и та нам у него была честь ведра во всю спину ровна, и кожа с плечь сползла.

А коли мы, богомольцы твои, за правилом к вечеру утрудимся, до полуночи у пивного ведра засидимся и на утро встать не можем, где клубок с мантиею, не вспомним, и тогда мы немножко умедлим и к девятой песни поспеем, а иные к роскодному началу. И он, архимарит, монашескому житию не навывчен, крылоское правило и всенощное пиво ни во что вмняет, за то нас не смысля, крепко смиряет. А Колязина обитель немалая: после мору осталось старых лет запасов по подлавечью в хлебне — стулья да чеппи, в мукосейне — по спицам шелепы да плети да сита частыя, в караулне, под лавки — снопы батов, в кузнице по грядкам — кандалы да замки. У нас, богомольцев твоих, от слез очи мнутятся, а за плечами кожи вертятся, и ночью не спится. И мы, богомольцы твои, тому дивимся, что он, архимарит, по се время в Колязине живет, а по нашему пить не учится, а нашу братью

бить горазд. Не лучше ли ему плыть от нас: на его место у нас много будет охочих великого смыслу. И на песте жить не станем, и в анбаре простору прибавим: рожь да ячмень в солоды обростим да пива наварим, брашки насидим, а чево не станет, и мы вина накупим, учнем крестьяны нарезать колокола отвязать, и велим в Кашин провозжать да на вино променять, а так они ж нам много зла учинили, от пива отлучили и нищими всех нарядили. А как мы архимандрита избудем и доброго добудем, который горазд лежа вино да пиво пить, а к церкви бы пореже ходил и нас бы, богомольцев твоих, почаще на погреб посылал, учнем радеть, а ему, архимариту, добра хотеть, а монастырю прибыль чинить, вино в чарки наливать да старое пиво допивать, а молодое затирать, и иное станем на дрожжи наливать, да тогда и к церкви пойдем, когда вино да пиво допьем. В колокола не будем звонить, а на погреб и без звону в полночь готовы ходить; ладану да свечь не будем жечь, пиво да вино и с лучиною пьем; уголью и смети не будут, ризы да книги вынесем в сушило, церковь замкнем, а печать в лупки обогнем, пономарей вышлем в слободу жить, а прикажем им почаще ходить да вино нам подносить, да велим им звонить с недели на неделю в год по одножды.

Милостивый великий господин преосвященный Семион, архиепископ Тверской и Кашинский, пожалуй нас, богомольцев своих; вели, государь, архимарита счесть в колоколах да в чепях весом, что он ис колокол много меди иззвонил и с чепей много железа перебил, кладучи на нас, богомольцев твоих, а в уголье мерою, колоты да доски числом, и в той утерной казне отчот дать и свой милостивой указ учинить, чтоб наши виновати не были, потому что ему, архимариту, безчестье немалое, а платить нам нечем: крылоские люди живут небогато, а нажитку у себя имеют только лошка да плошка. А буде ему, архимариту, впредь мы надобны не будем, и мы, богомольцы твои, ударим об угол плошку да покладем в мешок лошки, да возьмем в руки посошки, пойдем из монастыря по дорожке в иной монастырь, где вино да пиво найдем, тут и жить начнем, пиво да вино допьем, и въ иной монастырь пойдем и поживем по рассмотрению с похмелья да с тоски да с третьей брани и великия кручины; в Калязин монастырь зайдем погулять в житницах и в погребях и во всех монастырских службах в правду совершенно до смерти, буде есть у чего быть, по-прежнему в Колязине монастыре жить неотходно начнем.

Смилуйся, пожалуй!